

◆ Далекое — близкое

СОЛОВЬИ, СОЛОВЬИ...

В 1949 ГОДУ я поступил работать в газету «Комсомольская правда». Примерно в сентябре позвонил земляк композитор Александр Клоков: «Весь день в редакции будешь? Мы приедем». С кем? Не сказал. Думал — кто-нибудь из друзей-владимирцев. И вот часу в пятом вечера раздался робкий стук в дверь, и на пороге кабинета появился улыбающийся Клоков, а с ним — высокий, сажень в плечах, русоголовый незнакомец.

— Будем знакомы, Алексей Фатеев, — подал он руку.

Так вот, оказывается, какой ты, Алексей Фатеев, чьи песни поет вся страна! Заочно я с тобой уже давно знаком. 1943 год. Нашей роте предстояло совершить длительный марш-бросок. С полной солдатской выкладкой форсировали реку, взбирались на крутые сопки, пробирались сквозь нетронутую тайгу. Бойцы от усталости валились с ног. Показалась огромная поляна, заросшая густой, в рост человека травой.

— Привал! — донеслась команда.

Кто где был, так и опустился на землю. Слипались глаза, чертовски хотелось спать... И вдруг на другом конце поляны чистый, звонкий голос запел задорную песню:

На солнечной поляночке,
Дугою выгнув бровь,
Парнишка на тальяночке
Играет про любовь...

Песню подхватили сразу несколько голосов:

Играй, играй, рассказывай,
Тальяночка, сама
О том, как черноглазая
Свела с ума...

Усталость как рукой сняло. Мелодия и слова песни завладели солдатскими сердцами. Вспомнился дом, плакучие ивы над сонным прудом, луна в небе, в саду трель соловья. В центре села под гармонь выбивает частую дробь та, что милее всех на свете. Скинет гордо голову, поведет руками, точно птица крылом, притопнет в середине круга ногой и споет частушку про дроблю, который бродит у ворот, спать девчонке не дает.

В груди заохлодало, к горлу подступил тяжелый комок. И так, наверно, у каждого солдата. Песня ворвалась в душу, прибавила сил. Каждый почувствовал, за что он терпит невзгоды, недосягает, недодедает.

Слова песни принадлежали Алексею Фатееву. Я тогда, более сорока лет назад, не знал, что он мой земляк-владимирец, родился спустя два года после залпа «Авроры» по Зимнему Дворцу в небольшом селе Малое Петрино, что под Вязниками.

И вот теперь он, большой и красивый, сидит передо мной и неловко перебирает пальцами. Узнав, что я родился и вырос в ополье между Суздалем и Юрьев-Польским, негромко роняет: «Прекрасные хлебные места. А на моей родине леса, сады вишневые, — и, как бы спохватившись, предложил: — Давай махнем во Владимир». В субботу он позвонил по телефону: «Не раздумал ехать на родину?»

У Курского вокзала уговорил таксиста, и серая «Победа» начала петлять по улицам столицы, пока не вырвалась на широкую ленту шоссе Энтузиастов. Во Владимире почти каждый встречный здоровался с Алексеем Ивановичем, а более близкие подолгу трясли руку. Чувствовалось, что здесь его знают и любят, рады его приезду. И неудивительно: ведь Фатеев в то время был уже знаменит, его песни пели в разных уголках нашей

необъятной страны. Не успев родиться, они врывались в души людей, становились популярными. Особенно в этом смысле повезло песне «Соловьи», которая была любимой маршала Г. К. Жукова. Я несколько раз пытался выведать у Фатеева, как были написаны слова песни, но он отмалчивался. Вообще он избегал разговора о своем творчестве, никогда не делился своими творческими планами. Только однажды, когда я, вернувшись из Вьетнама, пришел к нему домой и подарил мундштук из слоновой кости, он нехотя признался: «Вторую неделю ищу строчку и никак не могу найти. Чувствую, что где-то близко летает, а в руки не дается». Он тогда сочинял слова песни для кинофильма «Весна на Заречной улице».

Как родились «Соловьи», я узнал от В. П. Соловьева-Седого. В конце войны Алексей Иванович попал в действующую армию. Наши войска в то время освобождали Венгрию. Фатеев стал командиром танка. Его машина первой ворвалась в город Секешфехервар. За этот подвиг ему предоставили творческий отпуск. Поэт приехал в столицу, поселился в гостинице «Москва». Здесь он встретился с давним своим другом, композитором Василием Павловичем Соловьевым-Седым, прибывшим из Ленинграда. Алексей Иванович в новенькой гимнастёрке, с боевыми наградами на груди. Он привез тексты песен, написанных на фронте. Среди них «Соловьи». Как утверждает композитор, стихи сами просились на музыку, и он в тот же день сочинил мелодию, исполнил ее соседям по гостинице, аккомпанируя себе на фортепьяно. Песня понравилась, ее тут же подхватили. На радио попросили изменить последнюю строчку припева. «Пусть солдаты немного поспят...» Возражали: «Война, а мы солдат спать призываем». Фатеев не сдался, не отступил.

Я впервые услышал «Соловьи», когда, демобилизованный, возвращался с Дальнего Востока. Под Иркутском на полустанке в вагон за руку худенькая девочка лет десяти ввела человека в потрепанной шинели. Он был в цветных очках, лицо опалено порохом, под мышкой держал гармонь.

Инвалид прошел в середину вагона, сел на край скамьи и растянул мехи тальянки. Смокли разговоры. А бывший солдат пел:

Пришла и к нам на фронт
весна,
Солдатам стало не досна —
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

После второго куплета припев «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть солдаты немного поспят» пел уже весь вагон. Фронтвика не отпускали, заставляли петь вновь и вновь.

После войны, в 1956 году, группа писателей приехала на встречу к читателям в подмосковный колхоз «Серп и молот». Фатеев читал свои стихи, спел, а зал подхватил: «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» Алексей Иванович, высокий, красивый, стоял на сцене и дирижировал.

Колхозные артисты приготовили для гостей небольшой концерт. На сцену вышла девушка и громко объявила, что сейчас хор исполнит песню «Соловьи» композитора Соловьева-Седого, слова народные. Я толкнул Фатеева в бок. Он сидел сосредоточенный и не ответил. Когда песню спели, я напомнил: «Леша, слова-то ведь твои». Он улыбку и шепотом ответил: «Не беда, с народом можно славою поделиться...»

Ю. ФАЛАТОВ.